

гического окружения. Так как *pa2sireu*, *pa2sirewija* и *kerosi2a* встречаются в табличках, говорящих о ремесленном производстве, то такой контекст, по мысли автора, дает основание считать связь с этим производством сущностью анализируемых понятий. Однако однообразие контекстов, в которых находятся исследуемые термины, не позволяет, на наш взгляд, делать столь определенные выводы. Применяемый в данном случае комбинаторный метод насильственно ограничивает возможность этимологического толкования самих слов и навязывает им только то значение, которое вытекает из анализа данного контекста. Например, *pa2sireu* односторонне толкуется как глава «светских» кузнецов на основе надписей группы Jn, но ведь эти же документы могут свидетельствовать лишь об одной стороне деятельности базилиевса, полностью не определяя его сущности<sup>7</sup>.

Определенные возражения вызывает также картина административного устройства двух провинций Пилосского государства — Ближней (*Peraa2kora2a*) и Дальней (*Deveroakora2a*) (стр. 89):

|                   |            |
|-------------------|------------|
| 9 городов         | 7 городов  |
| Damokoro [85kewa] | Teroseu    |
| du/nijo duma      | / duma     |
| 9 koretere        | 7 koretere |

Схема, предлагаемая Л. Палмером, основывается, в сущности, на единственной табличке Op 300. К сожалению, автор не касается вопроса о том, в какой степени допустимо такое обобщение данных этой надписи. Тождество *Damokoro* (*Δαμοκλωρ*, сокращенная форма от *Δαμοκλέης* или *Δαμοκλέης F(é)hios* — стр. 340) с \*85ke-

wa едва ли возможно проверить, так как указанные слова появляются вместе лишь в одной надписи Та 711, в понимании которой имеются существенные разногласия среди исследователей<sup>8</sup>. Даже если допустить подобное тождество, все-таки остается неясным, почему именно *Damokoro* стоит во главе 9, а *Teroseu* — 7 городов пилосских провинций, ведь этот последний назван в Jo 438 коретером *Tinwasijo*. Нам кажется, что выбор *Damokoro* и *Teroseu* в качестве главных должностных лиц двух провинций является несколько произвольным. Едва ли возможно в настоящий момент давать столь точную схему государственного устройства Пилоса.

Мы коснулись лишь некоторых вопросов, обстоятельно исследованных в книге Л. Палмера. Можно иногда не соглашаться с отдельными выводами его труда, не принимать предлагаемые им схемы — дальнейшее развитие микенологии покажет, насколько прав автор в ряде своих заключений. Ценность работ подобного типа часто заключается не столько в окончательном, всеми одобряемом результате исследования, сколько в самом методе, подборе материала, стремлении объяснить весь комплекс проблем, встающих при изучении надписей линейного шьема B, этого нового, совсем недавно ставшего доступным науке источника. Труд Л. Палмера, бесспорно, является крупнейшим достижением в изучении древней культуры.

Г. Ф. Полякова

<sup>8</sup> M. Ventris and J. Chadwick, *The Documents in Mycenaean Greek*, Oxf., 1956, стр. 390; ср. ук. рец. Лурье, стр. 180.

*B. DAGENS, M. LE BERRE et D. SCHLUMBERGER, Monuments préislamiques d'Afghanistan. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, XIX, P., 1964*

Авторы XIX тома «Трудов Французской археологической миссии в Афганистане» знакомят с новыми данными по искусству Хадды, архитектуре Бамиана и археологии Бактр. Он посвящен памяти Альфреда Фуше — основателя этой многолетней археологической экспедиции, одной из самых значительных на Среднем Востоке, который с первого же года работ включил в число основных экспедиционных задач исследование трех названных древних пунктов. Том содержит публикацию новых вещественных материалов, рекогносцировочных исследований и археологических вскры-

тий. Книга отлично иллюстрирована множеством фотографий и чертежей.

Статья Б. Даждана «Неизданные скульптурные фрагменты» вводит в научный обиход свыше ста фрагментов каменных рельефов из Хадды, Беграма, долины Кундуза. Из огромной массы разбитых скульптур, оформлявших комплекс буддийских монастырей Хадды, добытых при археологических работах М. Ж. Барту в 1926 и 1929 гг., пока опубликована лишь та основная группа фрагментов, материалом для которой служил штур. Предметом публикации Б. Даждана является менее многочисленная группа







ними. Капитель другого углового пилястра оформлена в центре скульптурными сценками (Будда и предстоящие в «кушанских» костюмах), на углах — устрашающего вида птицами, показанными в фас, с распростертыми крыльями; абака здесь украшена спиралевидным растительным побегом. Завершением двух угловых колонн служили еще две капители с торовидной подушкой и высокой прямой абакой, оформленной фигурами собаковидных грифонов и устрашающими личинами. Архитектурные детали этого типа впервые найдены на территории Бактрии, хотя возможно, что к оформлению именно такой капители относится часть белокаменного блока из Термеза с изображением собаковидного грифона.

Б. Дажану принадлежит и вторая публикация — «Пещерные монастыри долины Фолады». Речь в ней идет о группе гротов древнебуддийского монастыря, расположенного в 4 км к юго-западу от современного гор. Бамнана. О них уже писали и раньше (например в публикации М. И. Дюмарсай. Гроты Фолады представляют большой интерес вариантами своих перекрытий, имитирующих различные формы конструкций тех древних построек, которые до наших дней не дошли. Здесь типичны системы небольших куполов, но особенно так называемых касетных потолков, образованных постепенным напуском балок по диагонально сокращающимся квадратам. Автор отмечает их глубокую традиционность, ссылаясь на археологические памятники Восточного Туркестана. Между тем важно отметить, что подобные касетные потолки донные сохранились в непосредственном соседстве с Афганистаном — в народном жилом строительстве горных таджиков.

Третий раздел книги — «Наблюдения над укреплениями Бактр» М. Леберра и Д. Шлюмберже — отражает результаты полевых работ экспедиции в 1947—1948 и 1955—1956 гг. по изучению оборонительных сооружений этого древнего города. Исследованию были подвергнуты остатки укрепений «вышгорода» — Бала Хисара и примыкающего к нему «нижнего города». Первые читаются в рельефе почти по всему периметру, вторые сохранились лишь на отдельных участках, главным образом с южной, отчасти с восточной стороны. На основе общих археологических наблюдений территория городища подразделяется авторами следующим образом: Бактры I — «вышгород», древнейшее ядро, оставшееся на всех исторических этапах крепостью; Бактры I A — появление у его стен предместья, которое разрастается к югу, преобразуясь в город и получая собственные укрепления; Бактры II — расширение

этого города к востоку и появление здесь соответствующей фортификации; Бактры III — оставление прежней территории, заселение западного участка и появление относительно поздних по времени крепостных стен.

Археологические исследования принесли весьма значительные результаты, однако, как отмечают сами авторы, пока они дают лишь относительную, а не абсолютную хронологию. Лишь для периода Бактры III получены точные (хотя и весьма протяженные) рамки: это мусульманский город, возникший на пепелищах после монгольского погрома (1220 г.), переживавший заметный подъем при Тимуридах (XV в.), стабилизацию при узбеках (XVI—XVII вв.) и резкий упадок в XVIII столетии.

Изучение «вышгорода» — Бала Хисара позволило выявить под тимуридскими наслоениями остатки древних укрепений. Они имели мощное основание из битой глины-пахсы, слою которой вверху перемежаются рядами сырца, и воздвигнутую на нем, но как бы опущенную внутрь города стену, сложенную из крупного сырового кирпича. Пахсовый массив, который достигает на 13-метровой высоте, в уровне наступления на него стены, толщины 15 м, идет внутрь городища с небольшим откосом, наружу же с очень отлогим скосом, достигая у подшвы, по предположению авторов, 31 м. Стена (толщиной 11 м) снаружи отвесна, имеет через определенные интервалы прямоугольные выступы кладки и оформлена фальшивыми стреловидными бойницами. Укрепления эти, по мнению исследователей, восходят к греко-бактрийской эпохе; их необычайная мощь объясняет ту затяжную двухлетнюю осаду, ставшую легендарной у греков, которую Эвтидем выдержал против Антиоха III.

В реконструкции М. Леберра и Д. Шлюмберже, представленной на чертежах 12 и 14, вызывает возражения один существенный момент. Авторы полагают, что пахсовая платформа шла наружу до самой подшвы со скосом около 35°, соответствующим современному оплыву древней пахсы. Между тем такой отлогий скос противоречил бы принципам античной фортификации, намного облегчая врагу штурм крепости. Нам думается, что этот скос возник за время двухтысячелетнего разрушения пахсовой платформы, первично же она образовывала широкий предстенный выступ, по краю которого проходила вспомогательная барьерная стенка, а у подшвы тянулся ров. Такой прием античной фортификации препятствовал использованию стенобитных орудий, лишая врага возможности придвинуть их к самой стене, отлогий же откос позволял бы противнику свободно подтащить машины к стенам. Подобный выступ платформенной части стен с барьерной стенкой по краю (так



называемая протейхизма) уже известен на ряде среднеазиатских античных памятников. Так, к примеру, выступающий почти на 20 м от стены мощный барьерный выступ древнейших (IV—III вв. до н. э.) укреплений Хазараспа в Южном Хорезме, таков, на наш взгляд, внешний паховый выступ стен Кобадияна, такова конструкция крепостных ограждений Карабаг-тепе в Халчаине. Два последних памятника особенно интересны, поскольку они расположены на территории Северной Бактрии.

К сожалению, при исследованиях Бала Хисара пока не выяснен вопрос об укреплениях тех древних Бактр, цитадель которых осаждал в IV в. до н. э. Александр. Не является ли упомянутая выше мощная паховая платформа остатками тех древнейших укреплений бактриско-ахеменидской эпохи, которые в греко-бактрийское время послужили основанием для устройства протейхизмы и возведения высокой сырцово-кирпичной стены? Во всяком случае, доахеменидская основа Бала Хисара не вызывает сомнений — об этом свидетельствуют многочисленные стратиграфические зондажи, которые дали в нижних слоях керамику VI—IV вв. до н. э., в частности характерные банкообразные сосуды с подковообразным дном. Об этом же говорит и округлая форма городища, аналогичная очертаниям Мерва ахеменидского времени (городище Эрк-кала); античные города Бактрии, Маргианы, Хорезма и других крупных среднеазиатских областей, следуя эллинистическим планировочным принципам, уже получают квадратный или прямоугольный контур крепостных ограждений.

Изучение южной стены «нижнего города» (Бактры I A) выявило конструкции трех хронологических периодов. Наиболее поздними являются наслоения и перестройки тимуридского времени. Самые ранние характеризуются почти такой же мощностью своих конструкций, как и в Бала Хисаре, сходным устройством внешних откосов кладки и оформлением ложными бойницами. Однако этим исчерпывается сходство, так как здесь нет единой, далеко выступающей вперед паховой платформы, а применены совершенно иные конструкции. Основная стена выведена прямо от подошвы, достигая здесь 5,5 м и сужаясь до 3 м к гребню, и сложена в нижней трети из чередующихся сырцовых массивов и рядов пахсы, а выше — целиком из сырцового кирпича. В 9 м от нее выведена сырцовая подпорная стенка, достигающая 9,5 м в высоту, с откосом в 57°. Промежуток между ними забутован, и на этой забутовке покоятся мощные квадратные башни, оформленные в своей нижней трети ложными бойницами и фигурными кладками. В данном случае вполне очевидно устройство протейхизмы, придававшей большую мощь всей фортификационной

системе, поскольку у подошвы стена достигала 20 м и являлась почти неуязвимой для стенобитных орудий. Новым фактором здесь является возведение башен.

Вызывает сомнение, все ли бойницы в укреплениях Бактр были фальшивыми — следовало бы это внимательно проверить. Нам известны многочисленные примеры применения ложных бойниц в памятниках античной фортификации (например, парфянские укрепления Нисы, крепость Чильбурдж в Маргиане и др.), но среди них скрываются и бойницы подлинные. Введение фальшивых бойниц имело целью замаскировать расположение стрелков-защитников, создавая иллюзию отовсюду подстерегающего неприятеля обстрела, который в действительности был сосредоточен лишь в нескольких точках обороны. При этом бойницы приобретают характер декоративного оформления крепостных сооружений, хотя какая-то доля их и не утрачивает своей изначальной боевой функции.

Исследователи Бактр отмечают, что отличия в крепостных ограждениях Бактры I и Бактры I A могли бы служить показателем разновременности античных стен Бала Хисара и «нижнего города», но не исключают также возможности создания их в одну и ту же эпоху, оговаривая, что лишь дальнейшие широкие изыскания смогут окончательно разрешить этот вопрос. Тем не менее, учитывая то значение, которое Бактры играли в царствование Канишки, отмечая сходство кирпичного декора с созданными при нем постройками Сурх-Котала и указывая, наконец, на появление близ южной стены «нижнего города» двух ступа кушанского времени, авторы склоняются к тому, что южные укрепления возникли именно при Канишке.

Нам представляется весьма вероятным иное предположение: пятиметровая стена могла быть построена еще в докушанское время, появление же внешней подпорной стенки, промежуточной забутовки и квадратных башен падает на время Великих Кушан, скорее всего именно Канишки. Мы наблюдаем сходную картину преобразования и усиления крепостных ограждений в кушанское время на ряде городищ Северной Бактрии. Так, на Карабаг-тепе в Халчаине раннеантичная стена попадает как бы в футляр новых обкладок, датировку которых определяет монета Канишки, заложенная разделяет краугольными кирпичами. Появление новых кладок, чрезвычайно усиливших первоначальную и стен, отную фортификацию цитадели и стен, отмечено нами и на крупном городище Дальверзин-тепе на средней Сурхан-Дарье. Внешние обводы древних стен с внутренними помещениями возникают в кушанское время также на городище Хайрабад-тепе в Термезском районе. Расцвет



могущественной Кушанской империи создал предпосылки к усилению крепостной обороны крупных бактрийских городов.

Укрепления Бактры II, обследованные в восточной части «нижнего города», сходны со стенами Бактры I A устройством платформы, приемами фигурных кладок сырца, образующих ложные бойницы и орнаментальные элементы, возведением квадратных башен, но также имеют ранее не встречавшиеся внутристенные помещения («казематы»). Авторы очень осторожны в отношении датировки построек Бактры II. Указывая, что с III в. н. э. в фортификации Среднего Востока отмечается переход к круглым башням, что, казалось бы, дает аргумент для датировки их не позднее этого столетия, они допускают возможность возведения квадратных башен еще в течение долгого времени. В силу этого, по их мнению, укрепления Бактры II могут быть отнесены и к IV—V вв. (до нашествия эфталитов), и к концу сасанидской эпохи, т. е. к VI—VII вв. когда Балх процветал.

Это последнее предположение, как нам думается, должно быть решительно отвергнуто. Ему противоречит прежде всего тип квадратного сырцового кирпича. В V—VII вв. в Северной Бактрии отмечается повсеместный переход от квадратного сырца к крупному прямоугольному, притом лишенному столь типичных для античности фигурных клейм (которые есть на сырце из стен Бактры II); это изменение формата кирпича засвидетельствовано на ряде хорошо датированных монетными находками памятников — в верхних постройках Дальверзин-тепе и Хайрабад-тепе, в замке Занг-тепе, в Балалык-тепе и многих других. Квадратные башни в архитектуре Средней Азии V—VII вв. не известны, в то время как полукруглые выявлены на ряде памятников этой эпохи. Строительные же и фортификационные приемы восточных стен периода Бактры II столь близки к укреплениям Бактры I A, что вряд ли их разделяет длительный промежуток (устройство «казематов» не является чем-то новым — они известны во многих античных крепостях Средней Азии, например, на Кухне-кала в Южном Таджикистане, в Чильбурдже в Южной Туркмении и др.). Сооружение же внутристенных устройств на одних участках крепостных ограждений кушанских Бактр и отсутствие их на других могли быть вызваны потребностями в более разработанных оборонных устройствах на наиболее уязвимых участках города.

Изучение античных городищ Северной Бактрии показывает, что последние значительные работы по усилению их фортификации приходятся на время упадка Кушанской империи — это засвидетельствовано находками монет Васудевы и первых Сасанидов в последних по времени перестройках укреплений Хайрабат-тепе и Карабаг-тепе. Вероятно, к III, во всяком случае не позднее чем к началу IV в. н. э., относятся и последние в античное время перестройки крепостных стен Бактр.

Что касается проблемы преарабского Балха, блестящей столицы местной династии Бармекидов, именовавшейся «матерью городов», того Балха, в округе которого располагался огромный комплекс буддийских сооружений Нау-Бехар, то эта проблема пока остается неразрешенной.

К статье М. Леберр и Д. Шлюмберже прилагают экскурсе, посвященный кирпичу из укреплений Бактр и из двух ступеней этого города. Авторы произвели в разных участках тщательные замеры сырца, для которого общим является квадратная форма и нанесение на одной из постелей фигурных клейм; их выявлено до 80 типов. Установлено, что размеры кирпича колеблются даже в одновременных кладках от 30 до 40 см в стороне квадрата при толщине от 9 до 14 см. Такого рода колебания размеров наблюдаются и на памятниках Северной Бактрии, где, однако, отмечается тенденция к уменьшению их на позднекушанских памятниках до 30—32 см в стороне. В отношении клейм авторы принимают точку зрения Р. Гиршмана, видящего в них знаки различных артелей, поставивших кирпич. К сожалению, в статье не учтены различные высказывания по поводу клейм на античном сырце в советской литературе. Между тем предположение об обозначении особыми метками партий кирпича, изготовленных различными артелями кирпичных дел мастеров, представляется весьма сомнительным. Отметим, что, например, в одном из халчаянских зданий на небольшом участке обнаружено свыше трех десятков разных клейм — разумеется, 30 мастерских не стали бы поставлять материалы для возведения одного не очень крупного дома.

В целом XIX том «Трудов Французской археологической миссии в Афганистане» представляет ценный вклад в изучение памятников материальной культуры и искусства античного Афганистана.

Г. А. Пугаченкова